А. И. Бураев

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛИИ (по материалам скульптурных изображений)¹

В статье рассматриваются скульптурные материалы из кургана Шороон бумбагар в Баяннуур сомоне Булганского аймака Монголии. В захоронении с элементами кенотафа обнаружено 90 деревянных и керамических антропоморфных скульптур. В настоящее время, все материалы находятся на хранении в музее г. Хархорин.

Основываясь на результатах исследований скульптурных изображений в отечественной и зарубежной историографии автором предложена своя схема описания и характеристики антропоморфной микропластики. С целью ознакомления широких научных кругов с уникальными изображениями средневековых кочевников Центральной Азии тюркского времени, выполненных их современниками, дана характеристика 9 керамических фигур из фондов музея. Пять из них представляют фигуры, выполненные в полный рост, четыре – всадников. В описании дана характеристика материала изготовления; приводятся инвентарные номера и размеры согласно документации музея; отмечается степень сохранности фигур; дано описание костюма (верхняя и нижняя одежда, головной убор, обувь); характеризуются антропологические особенности скульптурных изображений и степень развитости растительности на лице (брови, усы, борода); дана расовая и, по возможности, этническая идентификация прототипов изображений. Кроме того, приведено описание лошадей и их сбруи.

Новые материалы были сопоставлены с полученными ранее аналогичными скульптурными изображениями из кургана Шороон бумбагар в Замар сомоне Центрального аймака Монголии (хранящихся в Музее изобразительных искусств им. Г. Занабазара, г. Улан-Батор, Монголия). Отмечена технологическая и стилистическая схожесть керамической микропластики из обоих курганов, кстати, находящихся недалеко друг от друга.

Характеристика новых материалов и проведенный сопоставительный анализ позволили датировать находки из кургана в Булганском аймаке второй половиной VII в. н.э., т.е. тюркским временем в период господства империи Тан.

Анализ статуэток позволил сделать вывод о присутствии значительного восточноазиатского (китайского) компонента среди прототипов изображений. Другая часть несомненно принадлежит к тюркам - теле и относится, по –видимому, к южносибирской расе.

Ключевые слова: *тюрки, Центральная Азия, Монголия, курган, скульптура, микропластика, антропология, этническая идентификация.*

Исследование историко-культурного наследия предшествующих поколений – одна из главных задач исторической науки. Для древности и средневековья основным и зачастую единственным источником являются археологические материалы. К счастью исследователей древнетюркского времени, по этому периоду имеются данные ряда взаимодополняющих научных дисциплин. Однако, изучение памятников археологии является важнейшей составляющей в исследовании тюрков раннего средневековья. Материалы, положенные в основу предлагаемой работы, происходят из кургана Шороон бумбагар в Булганском аймаке Монголии. Памятник был раскопан совместной монголо-казахстанской экспедицией в 2011 г. Археологи А. Очир, Л. Эрдэнэболд, С. Харжаубай, Х. Жантегин выпустили монографию, посвященную этому кургану (Очир, Эрдэнэболд, 2013). В кургане, который являлся, по мнению авторов раскопок, реальным захоронением с элементами кенотафа, обнаружены деревянные и глиняные антропоморфные скульптуры. Именно они являются предметом настоящего исследования. Выражаем глубокую признательность проф. А. Очиру за возможность ознакомиться с материалами исследования.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 "Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии".

В настоящее время материалы хранятся в музее г. Хархорин (Хархорум музеем), в Монголии. Особую благодарность хотелось бы высказать в адрес директора музея г-на Л. Шинэбата и главного хранителя г-жи Дэжидмы Б.-О. за предоставленные материалы и помощь в работе.

В средние века сформировалось ядро значительной части современных народов. Выявление этнической составляющей средневековых племен, характеристика их духовной и материальной жизни, определение районов их локализации имеет существенное значение для этнической истории. В живописных и скульптурных изображениях отражен внешний облик людей, таким как его видели современники. Мы же можем только, с большей или меньшей долей вероятности, его реконструировать. Кроме того, при анализе иконографии можно получить данные об особенностях строения мягких тканей лица, волосяном покрове, пигментации и некоторых других характеристиках внешнего облика, которые нельзя получить по черепу и скелету.

Конечно, характер изображений зависит от художественного таланта их автора, устоявшихся в его время канонов и целей изготовления выполненных артефактов. Очевидно, изображения для палеоантропологических исследований должны носить реалистичный, портретный характер.

В антропологической науке самостоятельное изучение иконографических материалов практикуется на протяжении значительного периода. В 1887 г. была опубликована работа R. Poole, а в 1907 г. – издано исследование Е. Наму, посвященные анализу древнеегипетской иконографии (Poole, 1887; Наму, 1907). Авторами были предприняты попытки визуального сопоставления древнеегипетских изображений с современными расовыми подразделениями.

В 1939 г. Г. Ф. Дебецем введен в научный оборот достаточно редкий в палеоантропологии, но выразительный материал – таштыкские погребальные маски (Дебец, 1941, 1948). Значительный вклад в развитие этого направления в палеоантропологии внесен советскими исследователями Средней Азии. В первую очередь, необходимо отметить базовые труды Г. А. Пугаченковой по изучению керамической микропластики кушанской Бактрии (1966, 1977, 1978, 1979). Автор отчетливо показала реалистичность и портретность скульптур Халчаяна и Дальверзина (Сурхандарьинская область Узбекистана), выявила их морфологические особенности и отнесла их к расе Среднеазиатского междуречья (Пугаченкова, 1965: 132–133).

В. П. Алексеев внес существенные дополнения и изменения в антропологическую характеристику скульптур Халчаяна и Дальверзина, отнеся их к потомкам древних ариев, а в расовой систематике – к локальному варианту средиземноморской расы (Алексеев, 1989: 336–337).

Нельзя не упомянуть и работы Т. К. Ходжайова, использовавшего иконографические материалы в исследованиях по палеоантропологии Средней Азии (Хужайов, Абдуллаев, 1990; Ходжайов и др., 2012). В итоге автор солидаризируется с В. П. Алексеевым в определении расовой принадлежности людей, с которых выполнены скульптурные изображения.

Из антропологических работ специального рассмотрения заслуживает статья И. И. Гохмана и Л. Л. Барковой, основанная на алтайских материалах. Ими проведен сравнительный анализ палеоантропологического материала с изображениями человеческих лиц, найденных в пазырыкских курганах. Изучение краниологии и имеющихся экземпляров изобразительного искусства (изображения на войлочном ковре и деревянные подвески-личины) показало сходные результаты. Оба источника доказывают присутствие на территории исследования в скифское время представителей европеоидных, монголоидных и метисных популяций (Гохман, Баркова, 2003).

Можно констатировать, что у российской антропологической науки есть хороший задел в изучении древней микроскульптуры.

Автор имеет и личный опыт работы с подобными материалами (Бураев, 2016). В 2009 г. Международной российско-монгольской экспедицией был исследован курган тюркского вре-

мени Шороон бумбагар в Центральном аймаке Монголии (Очир, Данилов, 2013). Существенную часть находок составили антропоморфные скульптурные изображения, найденные в нишах, вырубленных в дромосе, и погребальной камере кургана. Общее число пригодных для антропологического изучения экземпляров составило 63 ед.

Исследование скульптурных изображений из кургана позволило определить характер изображений как портретный. Лица скульптур сугубо индивидуальны, существуют различия в верхней одежде и головных уборах. Наиболее ярко портретный стиль нашел отражение в изображении дуду, представленного двумя деревянными скульптурами, несомненно, принадлежащими одному индивиду. Выразительное лицо, травмированный глаз, выделяющая его одежда, «жезл» (возможно перо павлина) в руках у одной из фигур, вероятно, символизирующий властные полномочия, позволяют безапелляционно настаивать на индивидуальности скульптур. На основании «зеркальности» двух обнаруженных фигур высказано предположение о наличии оригинальных представлений о загробном мире и соответствующих ритуалах перехода в него у средневековых тюркских племен.

Другие деревянные статуэтки демонстрируют различный набор признаков. Изображения также портретны, что позволило нам предположить присутствие представителей танской администрации в окружении правителя. Они отличаются характерными особенностями лица, одеждой и головными уборами. Все деревянные фигуры найдены в погребальной камере совместно с дуду.

Отдельно была рассмотрена деревянная фрагментированная фигура с христианским символом (крестом) на лбу, материально подтверждающая данные письменных источников о распространении христианства несторианского толка среди средневекового населения Монголии.

Керамическая пластика более унифицирована. И тем не менее скульптуры различаются по цвету одежды, некоторым чертам лица, густотой и расположением бороды и усов. Как раз наличие пышного волосяного покрова у некоторых из статуэток, особенности строения носовой части лица позволили усомниться в «абсолютной» монголоидности прототипов.

Таким образом, зафиксировано присутствие у прототипов исследованных скульптур европеоидной примеси, наиболее характерно проявляющейся в портрете дуду, в то же время выявленной и на других статуэтках. В целом изображения монголоидны, но детальная этническая интерпретация затруднительна. Дело в том, что антропологически центральноазиатская и южносибирская малые расы очень близки, а на древних и средневековых материалах вообще трудно различимы. По нашему мнению, можно предполагать принадлежность большинства людей, послуживших моделями для обследованных скульптур, к одному из названных расовых подразделений. В качестве рабочей версии был выбран южносибирский вариант.

Необходимо особо отметить, что, перед входом в погребальную камеру из дромоса, обнаружены 2 положенные друг на друга гранитные плиты размерами 74×74 см, на которых выбиты надписи китайскими иероглифами. Результаты дешифровки надписи позволили совершенно определенно датировать памятник 678 г. н. э., что соответствует тюркскому времени (в период гегемонии империи Тан). Текст представляет собой эпитафию в память дуду (военное звание) округа Цзиньвэй, правителя области Пугу (по всей видимости, наследного вождя пугу – одного из телеских племен) (Бураев, 2016: 20–23). Заметим, что данный памятник находится в бассейне р. Тола, как и рассматриваемый в настоящей статье курган из Булганского аймака. В общем, оба кургана находятся недалеко друг от друга по степным (кочевническим меркам).

Итак, исходя из локализации памятников, однотипности погребальных сооружений и, что будет продемонстрировано далее, схожести скульптурных изображений как по технике изготовления, так и по внешнему облику, можно предполагать их культурную и этническую идентичность. Соответственно, мы можем предварительно датировать булганский курган второй половиной VII в. н.э. и признать его принадлежность племени Пугу или одному из родственных телеских племен.

Середина VII в. н. э. является одним из переломных моментов для кочевников евразийских степей. Период между существованием I и II Тюркских каганатов характеризуется мощной экспансией Танского Китая на земли, ранее контролируемые тюрками, включая их родовые кочевья. Во главе образованных провинций империи Тан оставались представители тюркской знати – родовая и племенная аристократия (Степи Евразии, 1981: 29).

Всего в погребальном сооружении кургана из Булганского аймака находилось 90 антропоморфных скульптур (по данным музея). 70 из них находятся в действующей экспозиции и непосредственного знакомства с ними, к сожалению, не состоялось. Визуально (в витрине) можно констатировать наличие 25-ти мужских пешеходных скульптур тюркского облика (одежда и этногенетическая диагностика); 25 пешеходных мужских скульптур китайского облика; 10 стоящих женщин китайского облика и 10 всадников тюркского облика. Отметим, что абсолютно правильно, хорошую сохранность у всех экземпляров из экспозиции. Остальные скульптуры, в том числе и деревянные, находятся в фондах. Далее обратимся к описанию керамических микроскульптур из фондов Хархорум музея (г. Хархорин, Монголия), предоставленных нам для контактного исследования в 2018 г.

Фигура № 1-к. (здесь и далее – к = керамика). Инв. № ХХМ 2012.5.78. В монографии монгольских и казахстанских коллег (далее – монография) отсутствует. Размеры статуэтки, согласно предоставленной нам описи Музея – 22,5 × 5,5 × 4,7 (высота, ширина, толщина). Сохранность изображения удовлетворительная, однако краски поблекли, прорисовка правого глаза стерлась. Руки сходятся на груди, кисти поддерживают неустановленный предмет черного цвета, возможно – посох, так как достигает поверхности, на которой расположена статуя. Одежда на изображении светлая, «посох» черный, на нем – две прямоугольных выемки. Сложная конструкция данного предмета затрудняет его идентификацию. По нашим предположениям, наряду с опорной функцией это может быть оружием или каким-либо инструментом, в т.ч. музыкальным. Одежда состоит из двух «дэгэлов»: верхний (возможно накидка) с округлым вырезом до середины груди, длиной до коленей, рукава свисают почти до его окончания; нижний – длиной в пол, так, что не видно обуви. У нижнего «дэгэла» – косой вырез под горло, с углублением в левую сторону. Цвет у обоих «дэгэлов» серовато-белый. На голове – шапочка китайского типа, черного цвета; сзади головной убор раздвоен.

Статуэтка изображает мужчину монголоидного облика. Лицо высокое, средней ширины. Нос и переносье выступают слабо. Левый глаз, по отношению к другим частям лица, довольно крупный, черного цвета. Правый глаз отсутствует (нарушение прорисовки). Брови средние по толщине, черные, расположены почти параллельно глазам. На лице также прорисованы усы и небольшая бородка в центре под нижней губой. Губы, вероятно, изначально были розового цвета (рис. 1).

Фигура № 2-к. Инв. № ХХМ 2012.5.83. Размеры статуэтки согласно описи Музея – 23,0 × 6,2 × 5,1. В монографическом описании размеры аналогичны музейным (Очир, Эрдэнэболд, 2013: 57–58). Сохранность изображения удовлетворительная, краски поблекли. Руки сходятся на груди, чуть выше пояса, причем правая рука находится сверху левой. Одежда состоит из двух «дэгэлов»: верхний с треугольным вырезом по центру груди и более светлыми отворотами- «лацканами»; длиной чуть ниже коленей, рукава узкие. Окраска верхнего «дэгэла» частично повреждена. Нижний «дэгэл» – длиной в пол, видна обувь идентичная по цвету одежде. Цвет у обоих «дэгэлов» светло-коричневый, причем нижний чуть светлее. Отметим неширокий черный пояс, с прикреплёнными ремешками небольшой длины – два с левой стороны, один с правой. Сзади у пояса вероятно узел, два конца разной длины, у более длинного на конце шарообразное утолщение. На голове – накинута башлык, одного цвета с одеждой.

Статуэтка изображает мужчину монголоидного облика. Лицо высокое и широкое. Нос и переносье средневыступающие, нос относительно узкий. Глаза довольно крупные, темного цвета. Брови дугообразные, средние по толщине, темные. На лице также прорисованы густые

усы с завивающимися кверху кончиками. Прорисовка бороды (как представляется, довольно окладистой) плохо сохранилась. Губы средней ширины (рис. 1).

Рис. 1. Керамическая микропластика из кургана Шороон бумбагар (Баяннуур сомон Булганского аймака Монголии). Слева направо: фигуры 2к, 3к, 6в, 1к, 9в

Фигура № 3-к. Инв. № ХХМ 2012.5.91. Размеры статуэтки согласно описи Музея – 23,4 × 6,3 × 4,7. В монографии отсутствует. Сохранность изображения хорошая. Руки скрещены в середине груди, кисти поддерживают неуставленный предмет черного цвета, вероятно аналогичный «посоху» у фигуры № 1-к. С левой стороны красочный слой нарушен, что не позволяет выявить конструкционные особенности предмета. Выше кистей просматривается часть округлого предмета с рисунком, возможно – навершие «посоха». Одежда на изображении светлая, «посох» черный. Одежда состоит из двух «дэгэлов»: верхний «дэгэл» белый, с округлым вырезом, длиной до коленей, широкие рукава свисают почти до его окончания. Нижний «дэгэл» светло-коричневый, длиной в пол, обувь не видна. На голове – китайская шапочка черного цвета, головной убор сзади раздвоен.

Статуэтка изображает мужчину монголоидного типа, по всей вероятности, китайца. Лицо высокое и среднеширокое. Нос и переносье слабо выступающие, Глаза хорошо прорисованы, темного цвета, внутренние уголки располагаются ниже наружных. Брови дугообразные, достаточно широкие, черные. На лице также прорисованы тонкие усы от крыльев носа чуть ниже рта. Бородка изображена тонкой полоской от середины нижней губы влево. Губы узкие, красного цвета (рис. 1).

Фигура № 4-к. Инв. № ХХМ 2012.5.95. Размеры статуэтки согласно описи Музея – 23,4 × 6,4 × 4,6; в монографии отсутствует. Сохранность изображения неудовлетворительная, красочный слой на лице нарушен полностью. Руки скрещены в середине груди, кисти поддерживают неустановленный предмет черного цвета, вероятно близкий к «посоху» у фигур № 1-к и 3-к. Одежда на изображении светлая, «посох» черный, на нем – два прямоугольных выступа. Выше кистей просматривается часть округлого предмета с рисунком, возможно – навершие «посоха». Одежда состоит из двух «дэгэлов»: верхний «дэгэл» белый, с округлым вырезом, длиной до коленей, широкие рукава свисают почти до его окончания. Нижний «дэгэл» светло-коричневый, длиной в пол, обувь не видна. На голове – китайская шапочка черного цвета, сзади просматривается складка.

По аналогии с одеждой и предметами фигур 1-к и 3-к, можно предположить, что рассматриваемая скульптура также представляет собой изображение чиновника и, вероятно, этнического китайца.

Фигура № 5-к. Инв. № ХХМ 2012.5.97. Размеры статуэтки согласно описи Музея – 22,0 × 5,8 × 4,8; в монографии – 22,7 × 5,7 × 4,5 (Очир, Эрдэнэболд, 2013: 76). Сохранность изображения неудовлетворительная – голова отделена от туловища. Руки скрещены в середине груди, кисти поддерживают неустановленный предмет черного цвета, вероятно аналогичный «посоху» у фигуры № 1-к, 3-к, 4-к. Выше кистей из-за нарушения красочного слоя плохо просматривается часть округлого предмета с рисунком, возможно – навершие «посоха». Одежда на изображении светлая, «посох» черный. Одежда состоит из двух «дэгэлов»: верхний «дэгэл» белый, с округлым вырезом, длиной до коленей, широкие рукава свисают почти до его окончания. Нижний «дэгэл» светло-коричневый, длиной в пол, обувь не видна. На голове – китайская шапочка черного цвета.

Статуэтка изображает мужчину монголоидного типа, по всей вероятности, китайца. Лицо высокое и среднеширокое. Нос и переносье слабо выступающие. Глаза хорошо прорисованы, темного цвета, внутренние уголки располагаются ниже наружных. Брови дугообразные, тонкие, черные. На лице также прорисованы тонкие усы от крыльев носа чуть ниже рта. Борода изображена тонкой полоской от середины нижней губы влево до подбородка. Губы средней ширины, красного цвета.

Ряд керамических скульптур представлены всадниками. Конные скульптуры, так же как и пешие, обнаружены в нишах дромоса. Все всадники изображены в головных уборах типа башлык, что делает невозможным характеристику мозгового отдела черепа.

Фигура № 6-в (здесь и далее – в = всадник). Инв. № ХХМ 2012.5.102. Размеры скульптуры согласно документации Музея – 29,5 × 11,7 × 25,0 см (высота, ширина и длина скульптурного изображения); размеры, приведенные в монографии, кроме длины, отличаются – 27,6 × 12,1 × 25,0 (Очир, Эрдэнэболд, 2013: 141). Отметим, что это несомненно один и тот же экземпляр согласно приведенному рисунку и инвентарному номеру. Сохранность изображения хорошая; у лошади незначительно реставрированы правое заднее копыто и левый задний фрагмент керамической платформы, на которой расположен всадник, также имеются небольшие вставки реставрационного материала на передних и правой задней ногах; у лошади обломаны уши.

Всадник сидит на лошади, практически прямо. Руки сложены на поясе. Правая рука расположена чуть выше левой, в обеих руках – неустановленные небольшие предметы черного цвета. Всадник одет в куртку светло-зеленого оттенка с v-образным вырезом, образующим лацканы светло-коричневого цвета. Куртка доходит до пояса. Выше края куртки изображен узкий черный пояс, с прикреплёнными ремешками небольшой длины – три с левой стороны (к ним прикреплен черный округлый предмет), три с правой (средний почти вдвое длиннее). Сзади у пояса вероятно узел.

Ниже куртки просматривается другая одежда более светлого оттенка. Под ней – штаны черного цвета и обувь идентичной расцветки. Стремья нет. Под всадником – чепрак белого

цвета. На лошади изображена сбруя черного цвета, без поводьев. Лошадь, по-видимому монгольского типа, имеет светло-коричневую окраску.

Статуэтка изображает мужчину монголоидного типа. Лицо высокое и широкое, ортогнатное. Скулы выражены, но несильно. Разрез глаз монголоидный, однако прорисованы они довольно крупными. На левом глазу внутренний край расположен заметно ниже внешнего. Нос узкий, прямой, средневыступающий со средневыступающим переносьем. Губы средних размеров прорисованы темной на настоящий момент краской. Брови черные, дугообразные. Также черной краской от крыльев носа вниз и вбок до рта прорисованы достаточно широкие усы; под нижней губой от центра узенькая, крючковидной полоской (крючком налево), борода. По нашему мнению, изображен всадник южно-сибирского расового облика (рис. 1).

Фигура № 7-в. Инв. № ХХМ 2012.5.103. Размеры скульптуры согласно документации Музея – 30,0×11,8×25,0; размеры, приведенные в монографии, отличаются – 28,0×11,8×27,0 (Очир, Эрдэнэболд, 2013: 140). Сохранность изображения в целом хорошая; у лошади реставрированы нижняя часть левой задней ноги и небольшие фрагменты на правой задней и правой передней; уши лошади обломаны.

Всадник сидит на лошади, практически прямо. Руки сложены на поясе. Правая рука расположена чуть выше левой, в обеих руках – неуставленные небольшие предметы черного цвета. Всадник одет в куртку светло-зеленого оттенка с v-образным вырезом, образующим более светлые лацканы. Куртка доходит до бедра. Выше края куртки изображен узкий черный пояс, с прикреплёнными ремешками небольшой длины – два с левой стороны, три с правой (средний почти вдвое длиннее). Сзади у пояса узел отсутствует.

Ниже куртки просматривается другая одежда более светлого оттенка. Под ней – штаны коричневого цвета и черная обувь. Стремля нет. Под всадником – светлый чепрак, возможно с темными пятнами. На лошади изображена сбруя черного цвета, без поводьев. Лошадь, по-видимому монгольского типа, имеет светло-коричневую окраску.

Статуэтка изображает мужчину монголоидного типа. Лицо высокое и широкое, ортогнатное. Скулы выражены, но несильно. Разрез глаз монголоидный, однако прорисованы они довольно крупными. Внутренние и внешние края глаз черного цвета расположены параллельно. Нос узкий, прямой, средневыступающий со средневыступающим переносьем. Губы средних размеров прорисованы темной краской (вероятно, изначально – розовой). Брови черные, дугообразные, широкие. Достаточно широкие усы с загибающимися кверху и внутрь кончиками прорисованы от крыльев носа. Под нижней губой – черная, значительно более широкая, чем у фигуры 6-в, борода. По нашему мнению, изображен всадник южно-сибирского расового облика (рис. 2).

Фигура № 8-в. Инв. № ХХМ 2012.5.105. Размеры скульптуры согласно документации Музея – 27,5 x 11,8 x 26,0; размеры, приведенные в монографии, отличаются – 23,7×11,8×26,0 (Очир, Эрдэнэболд, 2013: 128–129). Сохранность изображения удовлетворительная; у лошади реставрированы большая часть левой задней ноги и небольшие фрагменты на левой и правой передних, правой задней, большая часть платформы; уши лошади обломаны, на правой стороне груди и крупа – трещины.

Всадник сидит на лошади отклонившись от холки к крупу с уклоном влево. Руки сложены на поясе. Правая рука расположена чуть выше левой, в обеих руках – неуставленные небольшие предметы черного цвета. Всадник одет в куртку светло-зеленого оттенка с v-образным вырезом, образующим светло-коричневые лацканы. Куртка доходит до бедра. На талии изображен узкий черный пояс, с прикреплёнными ремешками небольшой длины – три с левой стороны, три с правой (на переднем – повреждение); средний ремешок с обеих сторон длиннее. Сзади у пояса узел отсутствует.

Под курткой – штаны светло-коричневого цвета и черная обувь. Стремля нет. Под всадником – светлый чепрак. На лошади изображена сбруя черного цвета, без поводьев. Лошадь, по-видимому монгольского типа, имеет светло-коричневую окраску «в яблоках».

Рис. 2. Скульптурное изображение всадника (фигура 7-в)

Статуэтка изображает мужчину монголоидного типа. Лицо высокое и широкое, ортогнатное. Скулы выражены, но несильно. Глаза монголоидные, крупной прорисовки. Нос узкий, прямой, средневыступающий со средневыступающим переносьем. Губы средних размеров прорисованы темной краской (вероятно, изначально – розовой). Брови черные, дугообразные, широкие. Усы черного цвета, прорисованы от крыльев носа вниз и в стороны до уровня рта. Под нижней губой – черная борода по всей средней части подбородка. По нашему мнению, изображен всадник южно-сибирского расового облика.

Фигура № 9-в. Инв. № ХХМ 2012.5.107. Размеры скульптуры согласно документации Музея – 28,0 × 11,7 × 26,2; размеры, приведенные в монографии, отличаются – 22,0 × 11,7 × 26,2 (Очир, Эрдэнэболд, 2013: 131–132). Сохранность изображения удовлетворительная; частично отреставрированы передние ноги лошади, левая задняя и копыта правой, полностью платформа. Уши лошади обломаны, на обеих сторонах крупа – трещины, справа на груди – выбоина.

Всадник сидит на лошади слегка отклонившись от холки к крупу. Руки сложены на поясе. Правая рука расположена чуть выше левой, в обеих руках – неуставленные небольшие предметы черного цвета. Справа ниже пояса в верхней части таза – небольшое округлое отверстие (возможно – для крепления какого-либо предмета). Всадник одет в куртку светло-зеленого оттенка с v-образным вырезом, образующим светло-коричневые лацканы. Куртка доходит до бедра. На талии изображен узкий черный пояс без ремешков по бокам и узла сзади. Под курткой просматривается возможно другая часть одежды более светлого оттенка, слева отделенная от светло-коричневых штанов черной полосой, и обувь также черного цвета.

Стремян нет. Под всадником – светлый чепрак. На лошади изображена сбруя черного цвета, без поводьев. Лошадь, по-видимому монгольского типа, имеет светло-коричневую окраску.

Статуэтка изображает мужчину монголоидного типа. Лицо высокое и широкое, ортогнатное. Скулы выражены, но несильно. Глаза крупные, темного цвета. Нос узкий, прямой, средневыступающий со средневыступающим переносьем. Губы средних размеров, красочный слой практически отсутствует. Брови черные, широкие, расположены практически параллельно глазам. Усы черного цвета, прорисованы от крыльев носа вниз и в стороны чуть ниже уровня рта. Под нижней губой – черная, небольшая раздвоенная борода. По нашему мнению, изображен всадник южно-сибирского расового облика (рис. 1).

В результате исследования новых скульптурных изображений из кургана Шороон бумбагар в Булганском аймаке Монголии было подтверждено их сходство с аналогичными материалами из кургана в Центральном аймаке, изученными ранее. Сходство определяется одинаковой технологией изготовления фигур и совпадением этногенетических характеристик разных видов керамической микропластики. Кроме того, отметим территориальную близость памятников и совпадение их конструктивных характеристик.

С другой стороны, безусловно, погребение в Булганском аймаке «богаче» – там найдены византийские и сасанидские монеты, золотые украшения, сопроводительный материал. В описываемом погребении всадники находятся на платформах, чего не было в Замар-сомоне Центрального аймака. Среди скульптурных изображений практически половину составляют люди восточноазиатского облика (судя по их одежде и антропологическим особенностям лиц). Если в первом кургане изображены в основном воины, то во втором – погребальная процессия, где главное место занимают музыканты, чиновники и женщины восточноазиатского облика.

Изображения, безусловно, портретны и реалистичны. Опираясь на собственный опыт, этнографические описания тюркских, монгольских и китайских народов, можно сделать предположение о тюркской этногенетической основе половины исследованных скульптурных материалов. Другую половину, вероятно, составляют представители китайской части населения империи Тан.

Список литературы:

- Алексеев В. П.** Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989.
- Бураев А. И.** Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений). – Улан-Удэ, 2016.
- Гохман И. И., Баркова Л. Л.** Кто они? Стерегиущие золото грифы (опыт реконструкции антропологического состава и социальной структуры по данным палеоантропологии и изображений человека) // Горизонты антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 418–426.
- Дебец Г. Ф.** Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры (Минусинский край) // Крат. сообщ. НИИ и Музея антропологии НГУ за 1938–1939 гг. – М., 1941.
- Дебец Г. Ф.** Палеоантропология СССР / Тр. Ин-т этнографии АН СССР. Нов. сер. – Т. 4. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Пугаченкова Г. А.** К иконографии Герая (о некоторых вопросах раннекушанской истории) // Вестник древней истории. – 1965. – № 1.
- Пугаченкова Г. А.** Халчаян: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. – Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г. А.** Скульптура Халчаяна. – М., 1977.
- Пугаченкова Г. А.** Художественные сокровища Дальверзин-тепе. – Л., 1978.
- Пугаченкова Г. А.** Искусство Бактрии эпохи кушан. – М., 1979.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. Т. XVIII. – М.: Наука, 1981.
- Ходжайов Т. К., Мустафакулов С. И., Ходжайова Г. К.** Старый Термез (к антропологии населения Бактрии – Тохаристана). – Актобе: Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012.
- Нату Е.** La figure humaine dans les monuments de l’Egypte ancienne // Bulletin de la société d’anthropologie de Paris. – 1907. – Ser. 5, т. VIII.
- Poole R.** The Egyptian classification of the races of man // Journal of the anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1887. – Т. XVI.
- Очир А., Данилов С. В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц.** Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). – Улаанбаатар, 2013.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х.** Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Булган аймгийн сумын Уланхэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). – Улаанбаатар, 2013.
- Хужайов Т., Абдуллаев К.** Аждодларимиз киёфаси. – Тошкент: Узбекистон ССЖ «ФАН» нашриёти, 1990.

Бураев Алексей Игнатьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия, 670047.

E-mail: buraev1961@mail.ru

Материал поступил в редакцию 8 марта 2019 г.

A. I. Buraev

ANTHROPOLOGICAL TYPES OF POPULATION IN MEDIEVAL MONGOLIA

(on materials of sculpture images)²

The article discusses the sculpture materials from the Sharoon Bumbagar barrow in the Bayannuur Somon of the Bulgan aimag in Mongolia. The burial with the elements of kenotaph contained ninety wooden and ceramic anthropomorphic sculptures at present kept in the Museum of Harhorin.

The author took into consideration the results achieved in the Russian and world historiography of studies in sculpture and proposes his own scheme of description and characteristics towards anthropomorphic microplastics. Presented in the paper nine ceramic figures from the Museum funds introduce to the wide scientific community the unique images of medieval nomads of Central Asia of the Turkic epoch created by their contemporaries. Five of them are full-length figures and the rest four are horsemen.

The description characterizes the material, gives the inventory numbers and sizes according to the Museum documentation, details the degree of preservation of figures, describes the costume (upper and lower clothing, headdress, and shoes),

² This study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (№ 14.W03.31.0016).

denotes anthropological features of sculpture images and the degree of vegetation on the face (eyebrows, moustache, and beard), proposes racial and, if possible, ethnic identification of prototypes of the images. In addition, a description of the horses and their harness is given.

New materials were compared with previously obtained similar sculptures from the Sharoon Bumbagar barrow in Zamar somon, the Central aimag of Mongolia (the Zanabazar Museum of Fine Arts, Ulaanbaatar, Mongolia). The author marks technological and stylistic similarity of ceramic microplastics from both barrows that are close to each other.

The characteristics of the new materials and the comparative analysis made it possible to date the findings from the barrow in the Bulgan aimag as the second half of the VII century AD, i.e. the Turkic time at the Tang dynasty.

The analysis of the statuettes allowed a conclusion that the prototypes of the images included a significant East Asian (Chinese) component. The other part undoubtedly belongs to the Turks (Tele) and apparently to the South Siberian race.

Key words: *Turks, Central Asia, Mongolia, barrow, sculpture, microplastics, anthropology, ethnic identification.*

References:

Alekseev V. P. Istoricheskaya antropologiya i ehtnogenez. [Historical anthropology and ethnogenesis] – M.: Nauka, 1989. (in Russian)

Buraev A. I. Drevnie tyurki Mongolii (rekonstrukciya antropologicheskogo sostava po dannym skul'pturnyh izobrazhenij). [The ancient Turks of Mongolia (reconstruction of the anthropological composition according to the sculptural images)] – Ulan-Ude, 2016. (in Russian)

Gohman I. I., Barkova L. L. Kto oni? Steregushchie zoloto grify (opyt rekonstrukcii antropologicheskogo sostava i social'noj struktury po dannym paleoantropologii i izobrazhenij cheloveka) [Who are they? Griffons, guarding gold (a case study of reconstruction of physical-anthropological composition and social structure, using paleoanthropological data and human images)] // Horizons of anthropology. – M.: Nauka, 2003. – S. 418–426. (in Russian)

Debec G. F. Antropologicheskoe issledovanie pogrebal'nyh masok tashtyjskoj kul'tury (Minusinskij kraj) [Anthropological study of funerary masks of Tashtyk culture (Minusinsk region)] // Krat. soobshch. NII i Muzeya antropologii NGU za 1938–1939 gg. – M., 1941. (in Russian)

Debec G. F. Paleoantropologiya SSSR [Paleoanthropology of the USSR] / Tr. In-ta ehtnografii AN SSSR. Nov. ser. – T. 4. – M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. (in Russian)

Pugachenkova G. A. K ikonografii Geraya (o nekotoryh voprosah rannekushanskoj istorii) [The iconography of Geray (on some issues of early kushan history)] // Vestnik drevnej istorii. – 1965. – № 1. (in Russian)

Pugachenkova G. A. Halchayan: K probleme hudozhestvennoj kul'tury Severnoj Baktrii. [Halchayan: on the problem of artistic culture of Northern Bactria] – Tashkent, 1966. (in Russian)

Pugachenkova G. A. Skul'ptura Halchayana. [Sculpture of Halchayan] – M., 1977. (in Russian)

Pugachenkova G. A. Hudozhestvennye sokrovishcha Dal'vezin-tepe. [Art treasures of Dalverzin Tepe] – L., 1978. (in Russian)

Pugachenkova G. A. Iskusstvo Baktrii ehposhi kushan. [Art of Bactria of the Kushan epoch] – M., 1979. (in Russian)

Stepi Evrazii v ehposhu srednevekov'ya. Arheologiya SSSR. T. XVIII. [Steppes of Eurasia in the middle ages] – M.: Nauka, 1981. (in Russian)

Hodzhajov T. K., Mustafakulov S. I., Hodzhajova G. K. Staryj Termez (k antropologii naseleniya Baktrii – Toharistana). [Old Termez (to the anthropology of the population of Bactria-Tokharistan)] – Aktobe: Aktyubinskij oblastnoj centr istorii, ehtnografii i arheologii, 2012. (in Russian)

Hamy E. La figure humaine dans les monuments de l'Egypte ancienne // Bulletin de la société d'anthropologie de Paris. – 1907. – Ser. 5, t. VIII.

Poole R. The Egyptian classification of the races of man // Journal of the anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1887. – T. XVI.

Очир А., Данилов С. В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). – Улаанбаатар, 2013.

Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантөгийн Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Булган аймгийн сумын Уланхэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). – Улаанбаатар, 2013.

Хужайов Т., Абдуллаев К. Аждодларимиз киёфаси. – Тошкент: Узбекистон ССЖ «ФАН» нашриёти, 1990. (in Russian)

Buraev Aleksei Ignatievich, kandidat istoricheskikh nauk, nauchnyj sotrudnik.

Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SB RAS.

Ul.Sah'yanovoj, 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: buraev1961@mail.ru